

Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставил византийцев, в том числе и Константина, видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.¹

Юшков дал совершенно убедительный анализ сообщения Константина о днепровских порогах. Норманисты считают эти сведения Константина главным доказательством этнической тождественности норманнов и Руси. Юшков показал, что русские названия порогов у Константина являются не переводами славянских названий, а особой географической номенклатурой. Она состояла из названий, в основе которых лежали как скандинавские, так и славянские корни и, можно думать, корни также и других языков. Следовательно, это была „международная номенклатура“, которой, вероятно, пользовались все проезжавшие по Днепру. Поскольку путь по Днепру был путем мирового значения, и по этому пути везли свои товары представители разных народностей, то можно предположить, что они принимали участие в выработке этой номенклатуры. Вероятно и в Киеве было усвоено название днепровских порогов, данное им купцами разных народностей, в том числе и норманскими.²

Свежую струю в изучение борьбы между Святославом и Цимисхием внесли в советское время работы М. Н. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.“,³ П. О. Карышковского „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“.⁴

По вопросу, каковы были взаимоотношения между Святославом и болгарами, до последнего времени преобладало мнение, что русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое ему пытались оказать болгары, силой и кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне за Византию.⁵

Указанные авторы в своих работах привели много данных о том, что отношения между русскими и болгарами далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и дрожащими под их игом рабами. Они показали, что в войне Святослава против Византии болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев, и чтобы добиться союза с болгарами, русский князь должен был пойти им на некоторые уступки.

Значительный материал по средневековому художественному ремеслу, добытый при раскопках в Херсонесе в советское время и представляющий определенный интерес для изучения русско-византийских отношений, опубликован А. Л. Якобсоном в его монографии „Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)“.⁶ Однако историческая часть труда А. Л. Якобсона страдает недостатками, как это установлено рецензентами его работы.⁷

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. Советская этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 79.

² С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 51—52.

³ Славянский сборник, М., 1947.

⁴ Виз. вр., т. VI, 1953.

⁵ См., например: А. Ф. Гильфердинг. История Сербии и Болгарии. Соч., т. I, СПб., 1868, стр. 144; М. Дриянов. Южные славяне и Византия. Соч., т. I, София, 1909, стр. 338; В. Златарский. История на българската държава, т. I, ч. 2, София, 1934, стр. 600.

⁶ М.—Л., 1950.

⁷ Е. Ч. Скрижинская. Рец. на кн. А. Л. Якобсона „Средневековый Херсонес“. М.—Л., 1950. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 252—269.